

УДК 9(510) (=82)

КАЗАЧИЙ СОЮЗ В ШАНХАЕ: СОХРАНЕНИЕ ДУХОВНОСТИ И КУЛЬТУРЫ В ЭМИГРАЦИИ

© И.В. Чапыгин

В Китае в первой половине XX века сложилась одна из крупных и активных за рубежом российских диаспор. Это было следствием крушения российской империи в революциях и гражданской войне и массовым исходом с ее территории представителей проигравшей белой стороны (военных, казаков и гражданского населения). В стране с ярко выраженными социокультурными особенностями, каковой являлся Китай, после первого периода адаптации и даже ранее, перед эмигрантами из России остро встали проблемы сохранения духовности, культуры, сохранения себя русскими.

Ключевые слова: Китай, Шанхай, казачество, эмиграция, культура, православие.

COSSACK UNION IN SHANKHAI: PRESERVATION OF SPIRITUALITY AND CULTURE IN EMIGRATION

© I.V. Chapygin

In China in the first half of the XX century there was one of the largest and most active Russian diaspora. This was a consequence of the collapse of the Russian Empire in the Revolution and Civil War and mass exodus from its territory by Representatives of the defeated White Side (the military, the Cossacks and civilians). In China as a country with strong social and cultural features, after the initial period of adaptation, and even earlier, the emigrants from Russia had received a problem of conservation of spirituality, culture, and Russian ethnicity.

Key words: China, Shankhai, Cossacks, emigration, culture, orthodoxy.

Казачество после революции и гражданской войны в России вместе с проигравшей в них белой стороной в составе ее войск и индивидуально с семьями или без них оказались также за границей, в эмиграции. Российская казачья эмиграция в первой половине 1920-х гг. заселила не только европейские страны (Болгарию, Францию, Югославию, Чехословакию), но была представлена и дальневосточной ветвью в Китае: Маньчжурии (большой частью), Северном Китае (Тяньцзинь и Синьцзян) и Шанхае. Сложность исследования казачества в Шанхае объясняется тем, что в России, кроме документов фонда Казачьего Союза в Шанхае, отложившегося в Государственном архиве Российской Федерации, мы больше не располагаем документами о жизнедеятельности казаков в этом регионе Китая [1].

Из всего пестрого состава европейской и дальневосточной эмиграции, численность

которого в середине-конце 1921 г. определяется цифрой от 1 млн 850 тыс. до 2 млн чел. [2, с. 249], казачество в этот период, при относительно небольшой численности в эмиграции (порядка 80–100 тыс. чел.), по данным основных исследователей темы [4, с. 69–70; 6, с. 415], выгодно отличалось от «общерусской людской пыли» [5, с. 2] взаимной поддержкой, воинской организацией, станичным укладом жизни.

Казачество дальневосточной эмиграции имело свою историческую, географическую, экономическую, военно-политическую и культурную специфику. Здесь, главным образом на территории Китая, создавались и действовали казачьи станицы и союзы, промышленно-торговые и военные организации, благотворительные и молодежные объединения. Казачья семья, взаимная поддержка, стойкость и способность трудиться помогли преодолеть тяжелейшие условия трудного периода адапта-

ции и не только приобрести экономическое благополучие, но и сохранить традиции, обычаи, культуру казачества.

Основными очагами российской казачьей эмиграции в Китае стали Маньчжурия и Шанхай. Именно там разместились основные массы бывших российских подданных, многие из которых были казаками. Так, выбор Маньчжурии (Северо-Восток Китая) был подготовлен исторически и географически: задолго до революционных событий в России здесь уже складывалась русская диаспора, этот регион Китая лежал на пути отступающих белых армий и был недалеко от России, куда эмигранты вскоре планировали вернуться. В Шанхай же центр русской эмиграции в Китае стал перемещаться по причине японской оккупации Маньчжурии и продажи КВЖД «независимой суверенной Маньчжурской империи». Отметим также, что порт Шанхай всегда был «перевалочной базой» постоянно мигрировавших в страны Азиатско-Тихоокеанского региона русских беженцев. Именно в Маньчжурии и Шанхае были ведущие казачьи союзы, станицы и войсковые объединения, оказывающие влияние на деятельность всех казаков-эмигрантов, в том числе за пределами Китая.

Применительно к Шанхаю, здесь до 1922 г. казаков было немного, но с падением Владивостока, с прибытием флотилии адмирала Старка в Шанхай, и особенно Дальневосточной казачьей группы генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова, общее количество казаков эмигрантов сильно увеличилось и в 1925 г. здесь был создан Казачий союз. Кроме того, в рассматриваемый период, особенно в 1930-е гг. прибывали казаки из Маньчжурии, ставшей своего рода проходным пунктом русской эмиграции в другие регионы. После окончания Второй мировой войны здесь была развернута массовая кампания «за возвращение на родину» в СССР, параллельно Шанхай русские покидали с помощью международных беженских организаций. Переломным для шанхайского центра русской эмиграции оказался 1949 г., когда коммунисты одержали победу в гражданской войне в Китае и тем самым сдвинули еще многочисленных ос-

тающихся россиян в новые центры расселения.

«У истоков объединения казаков востока России в Шанхае стоял казак Семиреченского войска, присяжный поверенный И.Н. Шендриков и полковник Сибирского войска А.Г. Грызов. К делу были подключены: генерал-лейтенант М.И. Афанасьев (донец), генерал-майор Иркутского казачьего войска П.П. Оглоблин, генерал-майор Оренбургского казачьего войска В.А. Бородин, статский советник Забайкальского казачьего войска Г.Я. Селиванов, полковник Сибирского казачьего войска А.В. Катанаев и есаул Амурского казачьего войска В.В. Сараев... Казаки сплотились в одну семью, вырвались из нищеты, образовав 10 станиц (Амурская, Уссурийская, Забайкальская, Иркутская, Енисейская, Сибирская, Семиреченская, Уральская, Кубанская и Донская). Всего в союз вошло около 700 человек» [3].

Представителями казачьей эмиграции в этом регионе Китая велась достаточно активная культурная жизнь, которая, с одной стороны, была частью культуры всей русской диаспоры, а с другой – выделялась на фоне культурной жизни других групп анклава большей активностью. Последнему, кроме прочего, способствовали: наличие вековой традиционной казачьей культуры, традиционная сплочённость казачества как специфической группы населения, а также наличие мощной войсковой централизации, регулирующей не только военно-политические, но и культурные вопросы жизни казаков.

Перемещённые в достаточно небольшой период времени в иную географическую, государственную, национальную, конфессиональную, языковую и культурную среду, казаки, как и другие российские эмигранты, оказались перед необходимостью социокультурной адаптации. Вписывая себя в исторически сложившиеся новые системные отношения, русские эмигранты в Шанхае, с одной стороны, могли опереться на давно проживающих здесь соотечественников (коммерсантов, сотрудников царского дипломатического корпуса, служащих и др.), хорошо знающих местный язык, нравы и обычаи, а также хорошо знакомых

с системой работы местной администрации. Но с другой стороны – русские в Шанхае не могли особо рассчитывать на помощь местной администрации и местного коренного населения (как-то было в некоторых странах Европы) в силу их недоверчивого и часто агрессивного отношения. Поэтому переселенцам приходилось рассчитывать только на себя и на своих собратьев, то есть на внутренний ресурс эмигрантской общины. А это, в свою очередь, в значительной мере повышало роль таких объединяющих факторов как язык и культура. Если на родине язык воспринимался как средство общения, то в новых исторических условиях – как неотъемлемая часть самоидентификации и сплочения группы как стратегии выживания. Любое проявление национальной культуры оценивалось уже не как обыденное явление быта, а как ценность, определяющая твою принадлежность к нации и находящаяся под угрозой исчезновения. Поэтому, наряду с «распылением» и забыванием культурных ценностей в сложный период одними представителями эмиграции, другими – параллельно велась активная работа по собиранию, изучению, публикации и развитию явлений культуры, принесённых с собой с Родины.

Поэтому, вторым по важности вопросом (после решения задач социально-экономического плана: пропитание, жильё, работа), который стремились решить казаки в эмиграции, было обустройство духовной жизни. А так как основу духовной жизни казаков составляло Русское Православие, то необходимой задачей была организация отправления православного культа. С одной стороны, возведение культовых сооружений в столь сложное время можно смело назвать духовным подвигом народа, а с другой, и это факт, организация православных приходов была настоятельной потребностью для русского эмигрантского населения. Храм играл объединяющую, консолидирующую роль, что сказывалось на всех сферах жизни, а кроме того, не секрет, что потребность в религии значительно возрастает в критические моменты истории обществ и их групп. Храм выполнял умиротворяющую функцию в жизни сообщества людей, оказавшихся в экстремальной

ситуации. Поэтому русские эмигранты стремились быстрее обзавестись молельным домом, часовней или церковью.

Надо сказать, что при всех тяготах существования, казаки были в более выгодном положении при организации приходов. Благодаря консолидации и целенаправленному использованию войсковой и союзной казны, они могли аккумулировать достаточно большие (для тех непростых условий) суммы денег на общественно-полезные нужды (какими были постройка храмов и содержание священства). Поэтому достаточно большая часть православных храмов, построенных на территории проживания эмигрантского населения, была создана и содержалась казаками. Общее количество небольших «казачьих» или домовых церквей доходило до десятка. При этом их прихожанами часто были не только казаки, но и представители других групп эмиграции, особенно в районах со «смешанным» населением. В 1932-м году ген.лейт. Глебовым была подана мысль о сооружении на Французской Концессии капитального храма-памятника Императору Николаю II. Ему удалось организовать группу в 100 прихожан, которые взяли на себя обязанность выплачивать ежемесячно, в продолжение года, на дело постройки храма по 10 долларов. Он повел пропаганду святого дела не только среди русских, но и среди иностранцев. Перед закладкой капитального храма-памятника на этом участке была сооружена временная маленькая церковь, в которой и совершались службы до окончания постройки храма. Храм был построен, работал, закрывался в сложные периоды китайской истории, но службы в нем были все-таки возобновлены с 2010 г.

Источников священства для организованных домовых и построенных храмов было два. Их могла поставить Пекинская духовная миссия Русской Православной церкви либо это были священники, эмигрировавшие вместе с другими слоями российского общества. Ввиду исторических условий вторых было гораздо больше, но распределялись они не равномерно. Председателями приходских советов чаще всего были состоятельные и уважаемые люди, что могло служить не только духовной, но и

хозяйственной консолидации прихода, признания нуждающихся.

Одной из важнейших проблем культурного строительства казаков в Шанхае стала организация образования подрастающего поколения. В решении этой проблемы большую роль играла казачья администрация. Казачьим союзом открывались школы и курсы. Самым массовым образовательным учреждением была начальная школа для детей. Характерно, что при этом учебном заведении функционировал родительский комитет, председателем которого был выборный представитель от казаков. Последнее говорит о включённости родителей в образовательный процесс, что, кроме прочего, было продиктовано сложностями в организации учебных заведений.

Российское казачество в эмиграции стремилось сохранить такие казачьи традиции, как военно-техническое обучение, физическая подготовка молодежи, чествование заслуженных казаков – георгиевских кавалеров и т. п., то есть все то, что называется военно-патриотическим воспитанием. Характерно в этом отношении постановление правления Казачьего союза в Шанхае от 9 июня 1929 года: «Обратить серьезное внимание на подрастающих казачат и принять все возможные меры к воспитанию их в духе славных прошлых традиций; с этой целью организовать специальный спортивный отдел:

а) обучение верховой езде и элементарному правилу вольтижировки;

б) обучение стрельбе, хотя бы из духовых ружей, если не удастся получить разрешение на покупку малокалиберных огнестрельных;

в) обучение владению пикой и шашкой;

г) гимнастические упражнения и военные игры;

д) по мере подготовки организовать состязания с выдачей призов победителям и их родителям» [7].

Одной из важнейших сторон культурной жизни казачьей эмиграции и средством её влияния на культуру всей русской диаспоры была периодическая печать. Сам факт появления эмигрантских журналистских коллективов, издательских центров и типо-

графий говорит, во-первых, о достижении определённых положительных результатов в экономическом и культурном развитии переселенческого сообщества, а во-вторых, об осознанной необходимости в собственной периодике. И не случайно, ведь именно пресса во многом создаёт и поддерживает единое информационное и интеллектуальное поле, особенно в суровых условиях эмиграции, когда каждое печатное слово на родном языке воспринималось по-особому.

Надо сказать, что организация казачьих изданий сталкивалась с целым рядом как экономических, так и политических трудностей. Поэтому многие издания, которые планировались как периодические, выходили в свет всего один или несколько раз.

В пределах Шанхая регулярно выходил один казачий журнал «Голос казака». В нем размещались статьи, как о событиях местной жизни, так и сведения о мировых событиях и даже материалы беллетристического характера. Также освещались экономические, полемические, хозяйственные, культурные проблемы казачьей эмиграции. Иногда «казачья периодика» реализовывалась в форме вкладных страниц в не казачьих газетах.

Большое распространение в казачьей среде получили «одnodневные» газеты, которые выпускались в тех случаях, когда надо было отметить печатным словом или праздник казачьей организации или юбилей войска, Союза. Первой одnodневной казачьей газетой, появившейся в Шанхае, была газета Иркутской казачьей станицы «Иркутский казак». Центральной темой одnodневных газет было, как правило, празднование дня войска, при этом особое внимание в статьях уделялось его истории и былым заслугам перед отечеством. Нередко именно на страницах этих изданий, наряду с объединительными, звучали реваншистские ноты, что, впрочем, было естественно.

В целом, количество и содержание казачьей периодики и единовременных изданий говорит о достаточно активной политической и культурной жизни казаков на территории Китая. Наряду со статьями по хозяйственно-экономическим проблемам и коммерческой рекламой, в определённой мере характеризующих экономическую

жизнь эмиграции, в газетах и журналах размещались статьи по истории казачества, предпринимался анализ недавних событий Мировой войны, революции, Гражданской войны, исхода и расселения на новых территориях, а позднее и проблемы Второй Мировой войны. Достаточно активно обсуждались вопросы политического бытия и будущего, как казачества, так и эмиграции в целом. Краеугольным камнем статей нередко был вопрос о месте казачества в бывшей и будущей России и то, как следует относиться к Советской, но все-таки России. Нередко поднимались вопросы о возможностях возвращения в Россию. Кроме того, определённое место в казачьих изданиях занимали вопросы культуры и образования. То есть казачьи издания, с одной стороны, отражали характер развития жизни казачьей эмиграции (и выражали характер саморефлексии казачества на чужбине), с другой стороны, направляли и усиливали это развитие, во многом помогая консолидации и развитию всей русской диаспоры Китая. Этим же целям служила и радиостанция, которая вела передачи на русском языке.

Очень важной стороной культурной жизни казачьей (как и всей русской) эмиграции была литературная и издательская деятельность. Несмотря на сложности «беженского» положения, бывшие подданные Российской Империи, в том числе и казаки, создавали литературные произведения и, более того, умудрялись их публиковать и распространять. Скажем больше, анализ эмигрантской литературы говорит о достаточно активной творческой жизни на чужбине. Эмигранты не только активно писали, но и обсуждали, рецензировали, спорили на страницах своих изданий. Подобную активность во многом можно объяснить яркостью впечатлений от пережитого. Являясь современниками великих перемен, пострадав от них и продолжая быть их заложниками, российские эмигранты часто были не в силах сдерживать подобную психоэмоциональную нагрузку и выплёскивали пережитое на бумагу. А так как читающая масса пережила то же самое, что и авторы, эта литература принималась и понималась.

Впечатляет жанровое многообразие произведений казачьих авторов: стихи, поэмы, повести, рассказы, мемуары, романы, новеллы, пьесы и др. Прежде всего, казаков-эмигрантов занимали сюжеты пережитых событий, современного состояния вещей, перспектив развития и, что особенно важно для нас, – своего места во всех этих процессах. По большому счёту большую часть эмигрантской (в том числе казачьей) литературы можно назвать проявлением саморефлексии людей, волею судьбы и истории оторванных от Родины и заброшенных в инокультурную среду. Здесь и воспоминания повседневной (бытовой) истории дореволюционной России и Сибири, и яркие описания смутных дней революции и Гражданской войны, как в книгах. Здесь же переживания о судьбах оставленной Родины и отражение жизни российских людей на новом месте как в творчестве и др. Особый интерес представляют произведения последней группы авторов, ибо именно в них нашло своё яркое отражение самовосприятие эмигранта на чужбине, восприятие принимающего общества, русской диаспоры и места казачества в ней. В целом, эти авторы достаточно высоко оценивали роль казаков, казачьего духа, казачьего уклада и казачьих организаций в жизни русской общины Китая.

Неотъемлемым элементом культурной жизни казачества в Китае была организация и проведение Казачьих выставок. Подобные выставки, проводившиеся, в частности, в Шанхае, презентовали разные стороны хозяйственной, военно-политической и культурной жизни казачества на новой территории. При этом подобные мероприятия можно скорее расценить как явление внутренней жизни русской диаспоры, играющее роль экономического, политического и культурного сплочения эмигрантов и, в частности, казаков. Выставка как явление культурной жизни играла важную идентификационную и самоидентификационную роль в инациональной, иноконфессиональной и инокультурной среде. В ходе этого мероприятия издавался «Вестник казачьей выставки», в котором находили отражение современное состояние дел в

эмиграции, проблемы перспектив развития и другие не менее важные вопросы.

Одной из форм культурной жизни казачьего населения Шанхая были разнообразные «кружки» и «эмигрантские дома». Подобные общественно-культурные объединения складывались либо стихийно, либо при участии культурно-активных представителей эмигрантского населения. Количество и разнообразие «кружков», как правило, зависели от плотности и характера эмигрантского населения. Чаще всего они были литературными, музыкальными, военными, детскими, молодёжными. Достаточно активный «Дамский кружок» был в Шанхае. Надо сказать, что «дамские» и «молодёжные» кружки были не самыми распространёнными в среде казачества, ибо взрослое мужское население, как правило, принимало участие в военно-политических казачьих объединениях, а не в кружках. И, тем не менее, кружки играли достаточно большую роль, особенно в вопросе вовлечения казачьей молодёжи в активную политическую жизнь.

Мировую известность казакам-эмигрантам принесла деятельность созданных в эмиграции музыкальных хоров. Это помогло сохранить и развить традиции музыкального и хорового искусства казачества, а также неплохо зарабатывать, что было весьма насущным в эмигрантских условиях. Конечно, до всемирной славы «Донского имени ат. М. Платова казачьего хора» или «Донского казачьего хора» С.А. Жарова, созданных в западной части эмиграции, шанхайским казакам было трудно дотянуться, но, тем не менее, свои казачьи музыкальные коллективы были и в восточной ветви эмиграции.

Огромное впечатление на всю русскую эмиграцию и на иностранцев в Шанхае произвел, например, казачий бал 31 мая 1929 года, устроенный Казачьим союзом в отеле «Мажестик». Местная русская пресса об этом бале и выступлении казачьего хора писала: «Казачьи песни в третьем отделении, исполненные хором в 70 человек под управлением Ф.Я. Астраханского и Агафонова, вызвали шумные аплодисменты. Из всех песен самое большое впечатление произвели: «Ермак», «За Уралом за рекой»,

и плясовая песня «В огороде». Весь хор в форме производил внушительное впечатление. Чувствовалась в песнях безудержная мощь и сила. Такого казачьего хора Шанхай еще не слышал. В финальных казачьих песнях и танцах выступали г-жа Г. Занд, Шура Степанова, В. Воробьева и г. Карганов» [7, с. 117].

Можно сделать вывод, что культура играла объединяющую роль и, как следствие, – помогала выжить представителям эмиграции. Однако нельзя забывать и того, что состав эмиграции был неоднороден, неоднородна была и культура (в основе своей русская), разным было и отношение к ней. С большой долей условности культуру русской эмиграции можно разделить на общественную и бытовую. В сохранении и развитии первой большую роль играла интеллигенция (в том числе казачья), в сохранении второй – казачество и крестьянство. Наиболее устойчивыми в плане сохранения народной культуры оказались такие группы как крестьяне и казаки. Прежде всего, это объясняется традиционностью мировоззрения, связанного с хозяйством и укладом жизни. В то же время казаки были традиционно более организованы, чем крестьяне, и в силу своего уклада жизни больше, нежели крестьяне, ориентированы на культуру общественную. То есть, казаки в эмиграции как продолжали сохранять свою традиционную бытовую культуру, так и развивали культуру общественную (в отличие от крестьянства, ориентированного на сохранение и развитие, прежде всего, традиционной бытовой культуры, и в отличие от интеллигенции, ориентированной на развитие культуры общественной). Кроме того, благодаря казачьей войсковой и общественной организации им было проще строить церкви, организовывать школы, издавать периодику и т. д. Таким образом, казачество, благодаря своей консолидированности и культурным традициям, во многом было мобилизующим фактором в культурном строительстве русской эмиграции и выступало силой, сохраняющей и развивающей как народно-бытовую, так и общественную культуру русского зарубежья.

Поэтому заметное место в культурной жизни русской диаспоры казаки заняли не

случайно. Во многом этому способствовали: наличие сильной традиционной народной культуры, заинтересованность в светской общественной культуре образованных представителей казачества, а также традиции войскового и станичного регулирования культурной жизни.

Несомненно, что изучение дальневосточной казачьей эмиграции на территории Китая позволит полнее и глубже исследовать историю всей русской диаспоры страны в указанный период, понять характер

процессов, происходивших в этом русскоязычном анклав. Полную и целостную историю российской эмиграции невозможно исследовать, не изучая историю отдельных слоев и групп этой эмиграции со свойствами им мировоззрением, традициями, сложившимся укладом жизни. К такой особой группе принадлежит и казачья эмиграция.

Статья поступила 15.01.2016 г.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5963 «Казачий Союз в Шанхае, 53 ед. х., 1925–1931 гг.»
2. Мухачев Ю.В. Российская эмиграция: численность, расселение // Русское зарубежье: история и современность: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. рос. эмиграции. М., 2013.
3. Новиков А.С. Иркутские казаки в Шанхае // Белая гвардия. № 8; Казачество России в Белом движении. М., Посев, 2005. С. 278–279.
4. Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). Краснодар, 2013. 245 с.
5. Худобородов А.Л. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции. Челябинск, 1996. 112 с.
6. Худобородов А.Л. Российское казачество в эмиграции 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы: дис... д-ра ист. наук. М., 1997. 433 с.
7. Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае: монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of Russian Federation]. F. 5963 "Kazachii Soyuz v Shankhae, 53 ed. kh., 1925–1931 gg."
2. Mukhachev Yu.V. Rossiiskaya emigratsiya: chislennost', rasselenie [Russian emigration: quantity, dispersion], *Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost'*: Sb. st. RAN. INION. Tsentr kompleksnykh issled. ros. Emigratsii, Moscow, 2013.
3. Novikov A.S. Irkutskie kazaki v Shankhae [Irkutsk Cossacks in Shankhai], *Belaya gvardiya*, No. 8; *Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii*, Moscow, Posev, 2005, pp. 278–279.
4. Ratushnyak O.V. Kazachestvo v emigratsii (1920–1945 gg.) [Cossacks in emigration (1920–1945)], Krasnodar, 2013, 245 p.
5. Khudoborodov A.L. *Vdali ot rodiny: russiiskoe kazachestvo v emigratsii* [Far from Homeland: Russian Cossacks in emigration], Chelyabinsk, 1996, 112 p.
6. Khudoborodov A.L. Rossiiskoe kazachestvo v emigratsii 1920–1945 gg.: Sotsial'nye, voenno-politicheskie i kul'turnye problemy [Russian Cossacks in emigration, 1920–1945]: Doctor's thesis, Moscow, 1997, 433 p.
7. Chapygin I.V. *Kazach'ya emigratsiya v Kitae* [Cossack emigration in China]. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2014, 171 p.

Сведения об авторе

Чапыгин Игорь Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: IGOR_VCH@mail.ru

Chapygin Igor' Victorovich, PhD, associate-professor of the Department of Current Russian History, Irkutsk State University, 1 K. Marx St., Irkutsk, 664003, Russia, e-mail: IGOR_VCH@mail.ru